

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Русская трагедия

<Фрагменты>

Крах советской системы ценностей¹

Сейчас все то, что было достигнуто в советский период для миллионов таких совков, как я, потеряло всякую ценность и вообще оказалось ненужным. Это — самая большая потеря русского народа за всю его историю. Потеря трагическая, катастрофическая. Произошла переоценка ценностей. <...>

Меня все время мучает одна мысль. Я спрашиваю себя: чем был для меня советский социальный строй, коммунизм? Гарантированное бесплатное образование по выбору, в соответствии со способностями и склонностями. Любимая работа по профессии, хорошо оплачиваемая, оплачиваемый огромный отпуск. Медицинское обслуживание бесплатное. Путевки в дома отдыха и в санатории. Коллектив. Общение. Совместные мероприятия, вечера, туристические походы. Дружеские отношения по выбору и в изобилии. Формально простая жизнь. Почти никакой бюрократической волокиты. Гарантированное будущее детей. Общая уверенность в будущем. Гарантированная пенсия.

Не так богато, как на Западе. Но основные потребности были удовлетворены. И жизнь непрерывно улучшалась. Были, конечно, минусы. Но такие ли большие на самом деле?! За границу не пускали? Так я и не стремился. Кому-то квартиру лучше дали? Так я своей был доволен. В членкоры не пропустили? Так и без этого жить можно было неплохо. Марксизмом мучили? К чему лицемерить?! Мы к этому относились с юмором. Да к тому же идеология несла просвещение. И идеологическая нагрузка была куда более слабая, чем ранее религия. И никакой «марксистской десятины» не платили. Одним словом, это был мой социальный строй, мое общество. И ни на какое другое я его менять не собирался. Так почему же я не встал грудью на его защиту, когда нависла угроза потерять его?! Почему?! Конечно, я мог бы сказать: не с кем было

вставать на его защиту. Так думал каждый по отдельности. А в результате получилось коллективное предательство. Не встали мы на защиту нашего общественного строя!

Упоминавшийся выше Критик² назвал нас за это поколением предателей. Я тогда возмущился такой оценкой. Особенно меня возмутило утверждение, будто крах советского коммунизма в значительной мере был подготовлен тем, что довоенное поколение (поколение людей, начавших самостоятельную трудовую жизнь в довоенные годы) было истреблено на фронтах войны, и образовался разрыв между ним и поколением, захватившим инициативу в обществе после войны. А в хрущевские и брежневские годы стали заметно улучшаться бытовые условия. Коммунизм был идеологией низших слоев и нищих, а не сытых и благополучных. Обогащение общества и образование слоев благополучных и даже богатых привело к новому расслоению общества, к смещению системы ценностей в сторону материальных интересов, к росту материальных appetитов высших и средних слоев, в которых тон стали задавать представители поколения предателей. Теперь я вижу, что Критик был прав. Один из самых поразительных парадоксов истории: именно попытки реализации коммунистической идеи изобилия стали основой гибели реального коммунизма. Коммунизм, улучшая материальные условия людей, тем самым готовил своих собственных могильщиков!

Почему?

Почему же это произошло? Ведь не было из ряда вон выходящих природных катастроф. Не было больших «горячих» войн. Советский Союз был второй сверхдержавой планеты. Был довольно высокий жизненный уровень сравнительно с большинством стран планеты. И он был гарантирован. Мы ощущали себя лично защищенными. Конечно, преступления были. Но в сравнении с тем, что наступило теперь, это выглядит как нечто незначительное. Я в моем окружении не встречал ни одного человека, который не то что призывал бы, но даже тайно помышлял бы об отказе от советского социального строя. А мое окружение было сплошь фрондерским, «либеральным», насыщенным духом диссидентства. Советский социальный строй считался незыблемым, пришедшим на века. Причем он считался таковым не от сознания мощи его карательных органов (эта мощь ослабла и уже мало кого пугала), а от неосознанного убеждения, что это — наилучший вариант организации общества, гарантирующий удовлетворение некоторых минимальных и фундаментальных жизненных потребностей.

В нем можно было жить достаточно комфортабельно, причем с малыми усилиями или даже вообще без таковых. Поговаривали о его демократизации, о «социализме с человеческим лицом». Но никто толком не знал, что это такое. Кто-то понимал это как свободу поездок за границу, кто-то как изобилие предметов потребления, кто-то как допущение огромных гонораров, кто-то как предоставление большей инициативы для предприятий. Но чтобы ликвидировать советскую власть, партийный аппарат, общественную собственность на средства производства и прочие завоевания советского социализма — об этом и речи не могло быть.

Общество социальной справедливости

<...>

— Представьте себе, что вам надо прочитать лекцию на эту тему. Что бы вы сказали?

— Есть моральная и социальная оценка явлений как справедливых и несправедливых. Различие их видно из таких примеров. Продавать и покупать рабов и крепостных крестьян с моральной точки зрения считается несправедливым, а с точки зрения законов и обычаев рабовладельческого и феодального общества — нет. С моральной точки зрения наличие чудовищно богатых и бедных людей в современном западном обществе считается несправедливостью, а с точки зрения социальных и юридических норм этого общества — нет. Я ограничиваюсь здесь исключительно социальным аспектом темы.

Подчеркиваю, понятия справедливости и несправедливости суть оценочные понятия. Явления оцениваются в этих понятиях относительно некоторых принятых, признанных, узаконенных норм данного человеческого объединения, а не вообще. Справедливо то, что укладывается в рамки этих норм, и несправедливо то, что выходит за эти рамки. Конечно, сами нормы могут оцениваться как справедливые или несправедливые. Но эти оценки приобретают смысл, когда тот или иной тип общественного устройства изживает себя и сами его нормы подвергаются критике. Это говорит об относительности самих критериев оценки явлений как справедливых и несправедливых.

Оценочные нормы, как и всякие другие социальные нормы, в реальности осуществляются не механически и не с абсолютной точностью в каждом индивидуальном случае. Эти случаи разнообразны, так что неизбежны и отклонения от норм. А главное — в обществе одновременно действуют другие факторы, в силу которых отклонения от норм оказываются регулярными и неиз-

бежными. Так что нормы справедливости реализуются лишь как тенденции и через массу отклонений. И сами нормы в совокупных условиях общества становятся источником отклонений.

Обществом социальной справедливости называется такое общество, в котором в качестве всеобщих значимых приняты и утверждены законодательно не просто какие-то, но вполне определенные нормы, а именно — социальные гарантии и права граждан. Они суть следующие: на оплачиваемую работу, на отдых, на бесплатное медицинское обслуживание, на образование, на жилье, на питание, на личную безопасность, на пенсию по старости и инвалидности. Принципом распределения граждан по местам работы является принцип «от каждого по способности». Принципом распределения создаваемых обществом благ является принцип «каждому по труду», а в идеале — «каждому — по потребности». Эти нормы были реализованы в советском обществе. Общество социальной справедливости было построено фактически. Но одно дело — нормы, взятые сами по себе, абстрактно, да еще в идеологически неопределенном виде. И другое дело — их реальное осуществление. Общество социальной справедливости не есть тот земной рай, каким его изображала советская идеология.

Соблюдение норм справедливого в социологическом смысле распределения людей по местам работы и жизненных благ не есть устранение социального и материального неравенства. Более того, на этой основе с необходимостью возникают такие отклонения от самих норм, которые сами становятся нормами жизни. И какое-то «равновесие» тут достигается в острой социальной борьбе. Нормы не действуют автоматически. За соблюдение их в каждом индивидуальном случае приходится сражаться.

Возьмем теперь социальные гарантии и права. Право на рабочее место есть право на какое-то место, а не на то, на какое претендует индивид. Оно означало, что рабочих мест в стране создавалось достаточно для всех, в принципе безработицы в западном смысле не было. Аналогично в отношении прочих прав и гарантий. Люди так или иначе имели какое-то жилье — бездомных практически не было. Это право не гарантировало всем отдельные комфортабельные квартиры.

— Но люди так истолковали это право. И стали обращать внимание не столько на то, что шло грандиозное жилищное строительство и миллионы получали комнаты и квартиры бесплатно, сколько на то, что получали не все, получали неодинаково, квартиры уже не отвечали их представлениям о современном комфорте.

— И так во всем прочем. Как говорил сам Маркс, удовлетворенные потребности рожают новые. Установление норм социальной

справедливости на некотором первоначальном уровне не исключило и в принципе не могло исключить явления, которые стали казаться несправедливостью в отношении к тем же самым нормам. И никакое общественное устройство не может устранить этот эффект. Но мало этого. Советское общество в конце брежневского периода стало вступать в стадию, когда именно социальные права и гарантии начали превращаться в препятствие в соревновании советского общества с западным, препятствием в осуществлении маниакальной цели советского руководства и привилегированных слоев догнать Запад. Эти права и гарантии оказались под угрозой их ограничения и даже ликвидации. Так что если бы катастрофа не произошла, все равно предстояла борьба за сохранение их.

— А у нас все воспринимали их как нечто само собой разумеющееся и незыблемое при всех обстоятельствах. Когда громили коммунизм, не думали, что тем самым разрушали именно общество социальной справедливости. <...>

